

Методологические стратегии исследования русского православного обновленчества первой половины XX века

Д. А. Головушкин

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Становление церковно-исторической науки в России в постсоветский период и появление «новой волны» работ по различным проблемам православных религиозно-реформаторских движений произошли без каких-либо сдвигов на методологическом уровне. Большинство исследований 1990-х – первой четверти 2000-х гг. находятся в «колее» так называемых «исторических троп» и не приближают к сравнению, обобщению и концептуализации проблем, связанных с изучением русского православного реформаторства первой половины XX века.

Содержание. В статье раскрываются преобладающие методологические стратегии в области исследований русского православного реформаторства XX века и русского православного обновленчества. (1). Позитивистская парадигма. Она делает акцент на эмпирическом исследовании религиозных феноменов, ограничиваясь объяснением фактов содержащихся в источниках. Нередко в рамках этой парадигмы язык исследования и понятийный аппарат также заимствуется из источника. (2). Имманентизм. Для данной методологической стратегии свойственно воздерживаться от поиска законов исторического развития – она ориентирована на выявление специфики конкретных явлений. (3). Сравнительный подход. Этот подход стремится к выявлению связей между изучаемыми религиозными феноменами, он не сводится к установлению внешних зависимостей, а предполагает видение системности процессов. (4). Контекстуальный подход. Исследования, выполненные в рамках этого подхода сосредоточены на изучении исторической и социокультурной обстановки, в которой зародилось, развивалось, трансформировалось и сошло на нет русское православное обновленчество.

Каждый из подходов решает свои специальные задачи, нередко обусловленные особыми вне-эпистемологическими соображениями, но не сопоставляет и не соединяет решения, чтобы обеспечить обновление эпистемологической модели. Эту задачу решает методологический принцип интегрализма, который предполагает взаимодействие различных исследовательских подходов и программ. В русле интегрализма получает развитие историческая феноменология религии, которая идет на сближение с социокультурным подходом и структурно-функциональным анализом. В результате, феномен русского православного обновленчества первой половины XX века получает рассмотрение со следующих сторон: история возникновения и развития, контекст, смыслы и значения, структура и функции, а также связи с другими религиозно-реформаторскими движениями и их влиянием друг на друга.

Выводы. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что реальную перспективу в исследованиях сложных форм религиозного реформаторства, к каковым относится русское православное обновленчество первой половины XX века, имеют методологические матрицы, гибкие и открытые для пересмотра.

Ключевые слова: русское православное реформаторство, методологические стратегии, позитивизм, имманентизм, контекстуализм, сравнительный подход, интегрализм, историческая феноменология религии, структурно-функциональный анализ, методологические матрицы.

Для цитирования: Головушкин Д. А. Методологические стратегии исследования русского православного обновленчества первой половины XX века / Д. А. Головушкин // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2023. – № 1. – С. 98–108. DOI 10.35231/18186653_2023_1_98

Methodological strategies in studying of Russian Orthodox renovationism in the first half of the 20th century

Dmitrij A. Golovushkin

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The formation of church historical science in Russia in the post-Soviet period and the emergence of a “new wave” of researchers on various problems of Orthodox religious reform movements occurred without any shifts at the methodological level. Most studies of the 1990s – the first quarter of the 2000s are in the “rut” of the so called “historical trails” and do not approach comparison, generalization and conceptualization of the problems associated with the study of Russian Orthodox reformism in the first half of the 20th century.

Content. Russian Orthodox Reformation of the 20th century and Russian Orthodox Renovationism prevailing methodological strategies in the field of research are revealed in the article. (1). The Positivist paradigm. It focuses on the empirical study of religious phenomena, limiting herself to explaining the facts contained in the sources. Often, within the framework of this paradigm, the research language and conceptual apparatus are also borrowed from the source. (2). Immanentism. It is typical for this methodological strategy to refrain from searching for the laws of historical development – it is focused on identifying the specifics of separate phenomena. (3). Comparative approach. This approach seeks to identify the connections between the religious phenomena studied, it is not limited to the establishment of external dependencies, but assumes a vision of systemic processes. (4). Contextual approach. The research carried out within the framework of this approach focuses on the study of the historical and socio-cultural environment in which Russian Orthodox Renovationism originated, developed, transformed and came to naught.

Each of the approaches solves its own special tasks, often due to special non-epistemological considerations, but does not compare and connect solutions to ensure the updating of the epistemological model. This task is solved by the methodological principle of integralism, which involves the interaction of various research approaches and programs. In line with integralism, the historical phenomenology of religion is developing, which is moving closer to the socio-cultural approach and structural and functional analysis. As a result, the phenomenon of Russian Orthodox Renovationism in the first half of the 20th century is considered from the following sides: the history of its origin and development, context, meanings, structure and functions, as well as connections with other religious reform movements and their influence on each other.

Conclusion. Based on the conducted research, it can be concluded that methodological matrices that are flexible and open for revision have a real perspective in the research of complex forms of religious reformation, which include the Russian Orthodox Renovationism of the first half of the 20th century.

Key words: Russian Orthodox reform movements, methodological strategies, positivism, immanentism, contextualism comparative approach, integralism, historical phenomenology of religion, structural and functional analysis, methodological matrices.

For citation: Golovushkin, D. A. (2023) Metodologicheskie strategii issledovaniya russkogo pravoslavnogo obnovlenchestva pervoj poloviny XX veka [Methodological strategies in studying of Russian Orthodox renovationism in the first half of the 20th century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 1. Pp. 98–108. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2023_1_98

[100] **Введение**

Сегодня в области исследований русского православного реформаторства XX века и русского православного обновленчества, в частности, наблюдается острый методологический кризис. За последние два десятилетия в свет вышло менее одного десятка работ российских исследователей, в которых бы поднималась проблема методологических стратегий или предлагались бы новые подходы к изучению того или иного православного религиозно-реформаторского движения. На советской школе религиоведения, из-за использования её разработок в инструментальных целях, в том числе для критики Русской православной церкви, в той или иной степени, лежит отпечаток «этической составляющей»¹. В постсоветских исследованиях, особенно вышедших из недр самой Русской православной церкви, заметно преобладает апологетический дискурс, представляющий собой «бессознательную рецепцию» элементов противостояния Русской православной церкви и советского государства. Внешним выражением этого процесса является «тенденция к идеологизации или теологизации в истолковании религиозных фактов» [1, с. 13].

Поэтому чтобы ответить на вопрос, что есть русское православное обновленчество, в первую очередь нужно предложить новые подходы к его изучению, новые инструменты идентификации и модели концептуализации данного феномена. Задача эта весьма сложная. В обновленчестве мы сталкиваемся с событиями, идеями, контекстом, процессами и их последствиями, рецепцией, а также с идеологическими конструкциями, которые далеки от этического выбора, но которые претендуют на объяснение или прояснение смысла. Всё это совокупно ставит серьезные барьеры на пути к интерпретациям [6], без которых в принципе невозможны познание и понимание феномена русского православного обновленчества первой половины XX века.

Содержание исследования

Учитывая остроту дискуссий о возможности объективного содержания гуманитарного познания, а также действия

¹ Антонов К. Этнос отечественного религиоведения 1920-х – 1980-х годов: опыт реконструкции // Гепфер [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/14030?ysclid=I9u7r40g7o715557215> (дата обращения: 20.11.2022).

так называемого «дисциплинарного эталона» [8, с. 10], накладываемого на проблему научным или религиозным сообществом, в области исследований русского православного обновленчества XX века мы наблюдаем преобладание следующих методологических стратегий.

Позитивистская парадигма. В её русле исследователи делают основной акцент на источнике, который понимается как «вместилище» исторических фактов. Работа по его поиску, введению в научный оборот и конструированию эмпирического описания, в этом случае становится для исследователя главной и преобладает над попытками выведения проблемы на уровень концептуализации [3; 9]. В отечественных исследованиях феномена русского православного обновленчества результатом использования данной стратегии стал огромный прирост конкретного исторического материала, который был подвергнут серьезной источниковедческой критике, с целью установления достоверности содержащейся в нем информации. Эта стратегия позволяет многим ученым выглядеть идеологически нейтральными и быть над «конфликтом интерпретаций» и «борьбой интерпретаторов». Однако, как справедливо заметил Х. Уайт, автор одной из самых важных послевоенных книг по философии истории, «чисто буквалистское описание того, что произошло в прошлом, может быть использовано только для создания анналов или хроники, но не истории» [13, с. 13]. Ограниченность позитивистской парадигмы состоит в том, что она делает акцент на форме (институциональный подход), а не на содержании (история идей). Она оставляет в стороне проблему внутренней органики и качественных изменений русского православия, без понимания которых остаются неясными природа и интенции русского православного обновленчества, характер предлагаемых им религиозных реформ и наконец, сам «образ» обновленческого проекта реформации. Еще Р. Коллингвуд в своей первой книге «Религия и философия» отмечал:

«Нет никакой пользы в том, чтобы составить каталог ересей раннего христианства и заучивать их наизусть, если не вникать с некоторой степенью сочувствия в проблемы, которые люди хотели решить, и не попытаться постичь мотивы, побудившие их предложить свои различные ответы. Но это сочувствие и понимание являются чисто религиозными, теологическими, философскими; чтобы понять

ересь, необходимо оценить трудности, которые к ней привели; и эти трудности, как бы они ни выражались, всегда являются философскими. Только внешняя история догмы убивает; именно внутренняя история – вхождение в развитие мысли – делает историю живой. <...> Таким образом, исторический позитивизм не может дать ответа на богословские вопросы. Он может сказать нам, что Церковь предала анафеме определенные доктрины. Но что означают эти доктрины, или почему кто-то их придерживался, или что хотела сказать Церковь, осуждая их, или даже почему из этого следует, что мы тоже должны их осуждать, чистая история никогда не сможет нам сказать» [15, р. 42].

Имманентизм. Данная методологическая стратегия сосредоточена на выявлении уникальных, самобытных черт русского православного обновленчества, которое рассматривается вне связи с другими формами или проявлениями религиозного реформаторства. При этом не учитываются ни историческая обстановка, ни идейные влияния, ни межконфессиональные связи. По сути, этот подход близок к феноменологическому анализу, в центре которого находится религиозное явление само по себе (индуктивное изучение религии без предпосылок). Однако, сквозь призму религиозного опыта и личных религиозных убеждений эта исследовательская стратегия нередко субъективизируется и теряет открытость к другому или новому опыту. Как следствие, формируется установка на собственное внутреннее понимание проблемы обновленчества, отвергающее рефлексивную и диалогическую [16]. Не случайно Х. Уайт назвал этот метод «рассеивающим», а не «собирающим» [13, с. 34], поскольку имманентизм предопределяет задачу объяснения религиозного феномена через ослабление и нивелировку «тех сходств, которые, по-видимому, объединяют все объекты поля»¹.

Номотетический или сравнительный подход. Этот подход противостоит имманентизму и имеет целью установление общего, сходного или родственного в изучаемых религиозных явлениях. Как отмечает Х. Уайт, ученые, работающие в рамках этой эпистемологии, «склонны структурировать свои повествования таким образом, чтобы изобразить консолидацию или кристаллизацию из совокупности представляющихся разрозненными событий некоторой интегрированной сущности, важность которой значительно больше, чем важность любой

¹ Калимонов И. К. Основы научных исследований. Зарубежная история: практикум. Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. С. 193.

из тех индивидуальных сущностей» [13, с. 35]. Применительно к русскому православному обновленчеству этот подход проявляется в стремлении вписать его в логику развития религиозного модернизма или протестантской матрицы. При этом универсализм, как парадигма историко-философского и религиоведческого знания, здесь зачастую уступает место принципу конвергенции.

При всех достоинствах, этого подхода, делающего акцент на общих закономерностях, универсальных взаимосвязях и логико-метафизическом осмыслении исторического развития религиозных феноменов, он стремится нивелировать самобытное и индивидуальное. Однако, как справедливо заметил один из известных представителей исторической компаративистики Р. Гру: «В самом широком смысле ... сравнение неизбежно. Вопрос стоит не столько в том, должны ли историки сравнивать, сколько в том, выигрывает ли изучение истории, когда эти сравнения проводятся сознательно»¹.

Контекстуальный подход. Сегодня это наиболее распространенная стратегия исследования русского православного обновленчества первой половины XX века. Она проявляет себя в двух направлениях. С одной стороны, контекстуальный подход сосредоточен на изучении исторической и социокультурной обстановки, в которой зародилось, развивалось, трансформировалось и сошло на нет русское православное обновленчество. В силу этого обновленчество «традиционно» рассматривается либо как «плод» Русской революции 1905 и 1917 гг., либо как результат антирелигиозной политики советского государства по расколу и ослаблению Русской православной церкви. Главным недостатком данного подхода является то, что он сводит идейное содержание обновленческого комплекса к исторической ситуации или к действию внешнего фактора и, как результат, возникает опасность недооценки или вовсе отрицания его религиозно-реформаторского потенциала [4, с. 62]. С другой стороны, исторический контекст, в котором работает исследователь, может определять круг проблем, актуальных для конкретного исторического времени. В этом случае автор рассматривает те вопро-

¹ Цит по: Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 234.

[104] сы, которые нужны государству, обществу или церкви. Здесь исследователь рискует попасть не только под влияние «нередуцируемого идеологического компонента», но и собственно «идеологии», под которой применительно к научному исследованию Х. Уайт понимал «набор предписаний для занятия позиции в современном мире социальной практики и действия в соответствии с ней <...>; такие предписания сопровождаются аргументами, претендующими на авторитет “науки” или “реализма”» [13, с. 41, 42].

Таким образом, каждый из названных подходов вносит свой вклад в изучение различных сторон и аспектов русского православного обновленчества половины XX века. Однако любой из них по отдельности не позволяет выйти на уровень комплексной оценки и концептуализации данного феномена. В результате основные усилия исследователей – историков, религиоведов и теологов могут быть сосредоточены на преодолении взаимоисключающих эпистемологий и междисциплинарного раскола. Не случайно магистральной линией развития взглядов представителей крупнейшей исторической школы XX века – школы «Анналов», становятся «поиски междисциплинарного синтеза, стягивающего различные предметные области исторического исследования в один универсально-объяснительный узел» [11, с. 18].

В современном религиоведении «комплексность» и «междисциплинарность» находят свое выражение в методологическом принципе *интегрализма*, который предполагает продуктивное взаимодействие различных исследовательских подходов и программ [2]. Одним из его магистральных проводников сегодня является *историческая феноменология религии*, которая рассматривает историю религий (дескриптивную дисциплину) и феноменологию религии (сравнительную и интерпретативную дисциплину) как два взаимосвязанных аспекта единой науки о религии. По мнению У. Бьянчи, одного из основоположников данного направления, такой «интегративный подход» позволяет, начиная с эмпирических процедур – тщательного описания собранных материалов, их исторической и структурной контекстуализации, – выйти на уровень сравнения и интерпретации фактов [14, р. 349–350]. Эту же точку зрения отстаивает голландский религиовед Х. Я. У. Дрийверс, ко-

торый считает, что «любая интерпретация данных предполагает теорию, в рамках которой осуществляется постановка проблем, упорядочиваются исторические данные, формулируются гипотезы, а также выстраивается вся система аргументации»¹.

Другими словами, историческая феноменология религии рассматривает историю и теорию как две неотъемлемые части методологии исследования религиозных феноменов. Не случайно Ж. Ваарденбург, критикуя классическую феноменологию религии, подчеркивал важность «“гипотетико-вероятностного суждения”, поскольку результаты феноменологического исследования религии постоянно нуждаются в эмпирическом обосновании и уточнении»². Поэтому историческая феноменология религии также идет на сближение с культурологическим и социокультурным подходом [7, с. 6], признавая, что «научное изучение религии невозможно без знания социального и культурного контекста, в котором она развивается» [14, р. 351].

В результате историческая феноменология религии предполагает анализ русского православного обновленчества первой половины XX века со следующих сторон: история возникновения и развития, контекст, смыслы и значения, а также связи с другими религиозно-реформаторскими движениями и их взаимное влияния друг на друга.

Важное методологическое значение для изучения истории русского православного обновленчества имеет также структурно-функциональный анализ. Будучи своего рода «заложником» исторической ситуации, которая в той или иной степени нивелирует самоценность русского православного обновленчества как религиозно-реформаторского движения, раскрытие структуры обновленческого комплекса существенно помогает решать задачу его идентификации. Более того, идея «функциональных альтернатив» и отсутствие функционального единства в религиозной системе (Р. Мертон) объясняет возможность несовпадения идейного содержания теории обновленчества с его практикой и тем самым помогает преодолеть издержки доминирующего в исследованиях акцента на «функции» [5, с. 386–399].

¹ Цит. по: Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения: учеб. пособие. М.: Академический Проект, 2007. С. 189.

² Там же. С. 177.

Выводы

Реальную перспективу в исследованиях сложных форм религиозного реформаторства, к каковым относится русское православное обновленчество первой половины XX века, имеют методологические матрицы, гибкие и открытые для пересмотра. И если метатеория религиоведения представляет собой «область, органически сочетающую в себе предпосылки к историческому исследованию, ставящему перед собой задачу поиска установлений, в соответствии с которыми сложилась та или иная исследовательская программа» [10, с. 22], то тем самым она заявляет о продуктивности непрерывного поиска методологической стратегии исследования [12, с. 144]. Только в этом случае обеспечивается возобновляемая рефлексия над источником и теорией, которая способствует приращению научного знания о религиозных феноменах.

Список литературы

1. Ваарденбург Ж. Религия и религии: систематическое введение в религиоведение. – СПб.: Издательство РХГА, 2016. – 216 с.
2. Гаськова М. И. Интегральный подход в изучении религии: опыт использования новой парадигмы знания. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009. – 211 с.
3. Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной стоящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 66. – С. 6–16.
4. Загирняк М. Ю. Контекстуальный подход в методологии историко-философского исследования // Рацио.ru. – 2011. – № 6. – С. 56–67.
5. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 386–399.
6. Микешина Л. А. Интерпретация как фундаментальная операция познания // Эпистемология и философия науки. – 2008. – Т. 17. – № 3. – С. 5–13.
7. Муравьев В. В. Методологические проблемы культурологического исследования религиозной истории // Человек. Культура. Образование. – 2016. – № 4 (22). – С. 6–19.
8. Парадигмы исследования религии в XXI в.: Коллективная монография / под ред. О. Ю. Бойцовой. – М.: Издатель А. В. Воробьев, 2020. – 224 с.
9. Прилуцкий А. М. Семиотика религиозной традиции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2019. – № 2 (61). – С. 66–71.
10. Рахманин А. Ю. К метатеории религиоведения: концептуальный каркас и проблема нормативного критерия науки // Религиоведческие исследования. – 2009. – № 1–2. – С. 7–23.
11. Русакова О.Ф. Методологические стратегии в современных исторических исследованиях: школа «Анналов» и «Новая интеллектуальная история» // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2001. – № 2. – С. 17–48.
12. Смирнов М. Ю., Бокова О. А. Методология религиоведения как проблема // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 3. – С. 133–147.
13. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 526 с.

14. Bianchi U. Method, Theory and Subject Matter // Religious Transformations and Socio-Political Change: Eastern Europe and Latin America / Ed. by L. Martin. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993. – Pp. 349–355.
15. Collingwood R. G. Religion and Philosophy. – London: Macmillan, 1916. – XVIII, 219 p.
16. Waardenburg J. Toward a New Style Phenomenological Research on Religion // Reflection on the Study of Religion / By J. Waardenburg. – The Hague: Mouton, 1978. – Pp. 113–140.

References

1. Waardenburg, J. (2016) *Religiya i religii: sistematičeskoe vvedenie v religiovedenie* [Religion and Religion: A Systematic Introduction to Religious Studies]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RHGA. (In Russian).
2. Gas'kova, M. (2009) *Integral'nyj podhod v izučanii religii: opyt ispol'zovaniya novoj paradigmy znaniya* [Application of an integral approach to the study of religion within the framework of a new paradigm of knowledge]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN. (In Russian).
3. Dmitriev, A. (2004) Kontekst i metod (predvaritel'nye soobrazheniya ob odnoj stanovyashčesjya issledovatel'skoj industrii) [Context and method (preliminary considerations about one emerging research industry)] *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 66. Pp. 6–16. (In Russian).
4. Zagirnyak, M. Yu. (2011) Kontekstual'nyj podhod v metodologii istoriko-filosofskogo issledovaniya [Contextual approach in the methodology of historical-philosophical research] *Racio.ru*. No. 6. Pp. 56–67. (In Russian).
5. Merton, R. (1994) Yavnye i latentnye funktsii [Manifest and latent functions]. *Amerikanskaya sotsiologičeskaya mysl': teksty* [American Sociological Thought. Texts]. Moscow: Publishing house of Moscow state university. Pp. 379–447. (In Russian).
6. Miksheina, L. A. (2008) Interpretatsija kak fundamental'naja operatsija poznanija [Interpretation as a Fundamental Operation of Cognition] *Epistemologija i filosofija nauki*. Vol. 17. No. 3. Pp. 5–13. (In Russian).
7. Murav'yev, V. V. (2016) Metodologičeskie problemy kul'turologičeskogo issledovaniya religioznoj istorii [Methods of religious history cultural studies] *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. No. 4 (22). Pp. 6–19. (In Russian).
8. Bojtsova O. Yu. (ed.) (2020) Paradigmy issledovaniya religii v XXI v.: Kollektivnaya monografiya. [Paradigms of the study of religion in the XXI century: A Collective Monograph]. Moscow: Izdatel' A. V. Vorob'yov (In Russian).
9. Prilutskij, A. M. (2019) Semiotika religioznoj traditsii [Semiotics of religious tradition] *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologija*. No. 2 (61). Pp. 66–71. (In Russian).
10. Rakhmanin, A. Yu. (2009) K metateorii religiovedeniya: kontseptual'ny karkas i problema normativnogo kriteriya nauki [Toward Metatheory of Religious Studies: the Conceptual Framework and the Problem of Normative Criterion of Science] *Religiovedčeskie issledovaniya*. No. 1–2. Pp. 7–23. (In Russian).
11. Rusakova, O. F. (2001) Metodologičeskie strategii v sovremennyh istoričeskikh issledovaniyah: shkola "Annalov" i "Novaya intellektual'naya istoriya" [Methodological strategies in modern historical research: the "Annales" school and the "New intellectual history"] *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. No. 2. Pp. 17–48. (In Russian).
12. Smirnov, M. Yu., Bokova, O. A. (2017) Metodologija religiovedeniya kak problema [Methodology of religious studies as a problem] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. Pp. 133–147. (In Russian).
13. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoričeskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Meta-history: the Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).

[108]

14. Bianchi, U. (1993) Method, theory and subject matter. *Religious Transformations and Socio-Political Change: Eastern Europe and Latin America*. Berlin and New York: Mouton de Gruyter. Pp. 349–355.
15. Collingwood, R. G. (2016) *Religion and philosophy*. – London: Macmillan.
16. Waardenburg, J. (1978) Toward a new style phenomenological research on religion. *Reflection on the Study of Religion*. The Hague: Mouton. Pp. 113–140.

Об авторе

Головушкин Дмитрий Александрович, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID ID: 0000-0002-5705-9164, e-mail: golovushkinda@mail.ru

About the author

Dmitrij A. Golovushkin, Dr. Sci (Philos.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-5705-9164, e-mail: golovushkinda@mail.ru

Поступила в редакцию: 21.12.2022
Принята к публикации: 13.02.2023
Опубликована: 20.03.2023

Received: 21 December 2022
Accepted: 13 February 2023
Published: 20 March 2023